

В мозгу Шан Юаня царил хаос.

А Юань?

Так называла его У'эр в его последней жизни, с очарованием, тоской и грустью.

Линь Сяоча сделала еще один шаг, и ее грудь приблизилась к его острому мечу. В это время серебряный дракон уже снова превратился в свою первоначальную форму. Позади Линь Сяоча дракон злобно уставился на Шан Юаня своими зелеными вертикальными зрачками и показал толстые клыки.

Она махнула рукой: "Даньдань, уйди с дороги. Это мое с ним дело".

Серебряный дракон очень неохотно удалился.

Шан Юань посмотрел на девушку, стоящую перед его мечом, и вспомнил, как в прошлой жизни он использовал этот меч, чтобы вырезать ее сердце.

Каким решительным он был тогда, и как больно ему было потом.

Он все еще помнил, как держал ее холодное тело и умолял снова назвать себя А Юанем, но она больше не могла говорить.

Но сейчас ее знакомый голос снова произнес это прозвище, призывая его из своего сердца.

Он потрясенно посмотрел на Линь Сяоча.

Как она могла знать о его прошлой жизни?

Линь Сяоча наблюдала за выражением лица Шан Юаня. На самом деле, она не была полностью уверена, что Шан Юань действительно переродился раньше. То, что она сказала сейчас, было просто проверкой.

Если бы он не был перерожденцем, он бы точно не знал ни об этих кровавых делах, ни о близости между ним и Линь У. Если бы он услышал то, что она сказала, он должен был бы потеряться или подумать, что ее разум не в порядке.

Но в этот момент глаза Шан Юань были полны боли, сожаления, потери и угрызений совести.

Линь Сяоча знала, что она была права.

Получалось, что она получила 100% прогресс без всяких усилий, потому что он переродился.

А Шан Юань все еще с недоверием смотрел на эту знакомую и незнакомую девушку. Если она родилась заново, то почему она так отличается от его предыдущей жизни?

В это время Линь Сяоча грустно улыбнулась: "Я очень старалась быть похожей на Бай Сюаньрань в этой жизни, лучше ее и симпатичнее ее. Знаешь, почему?"

Она подняла свои абрикосовые глаза, полные слез, и посмотрела на Шан Юаня.

Шан Юань нахмурился: "Почему?".

Линь Сяоча насмешливо рассмеялась: "Потому что... Я думала, что ты влюбишься в меня, если я стану такой".

Рука Шан Юаня, державшая Падающий Меч Тени, задрожала. Легкая дрожь слегка порезала одежду на ее груди.

В то же время из ее глаз скатилась слеза. Слезинка скатилась по ее белому круглому лицу, которое было так прекрасно.

"Неожиданно, как бы я ни старалась, все закончится одинаково". В ее голосе звучало безграничное отчаяние.

После этих слов ее прекрасное лицо мгновенно стало безжизненным и мрачным, как цветущая камелия, которая в одно мгновение умирает и увядает.

"Если у меня будет другая жизнь, надеюсь, я больше не буду любить тебя".

Она закрыла глаза, раскинула руки и упала навстречу мечу Шан Юаня.

"У'эр!" воскликнул Шан Юань и убрал свой Падающий Меч Тени.

В это время Линь Сяоча уже была унесена вспышкой серебристого света в момент падения.

"У'эр, ты все еще любишь меня?" Шан Юань подошел к серебряному дракону. Сейчас у него не было времени заботиться о младшем брате, который заставлял его волноваться на протяжении пятисот лет. В его глазах была только девушка, свернувшаяся калачиком в его объятиях.

Он подозревал, что Линь Сяоча сначала забрала тело У'эр, но не смог найти никаких следов. Как же она могла узнать о его прошлой жизни, если она была душой, занявшей тело У'эр?

Есть только одна возможность: его У'эр тоже переродилась!

Она сказала, что из-за него старается жить как Бай Сюаньрань. Но она не знала, что после смерти он понял, что любимая - это она.

"У'эр, ты все еще любишь меня", - подтвердил он снова.

Но девушка обмякла в объятиях серебряного дракона, он хотел, чтобы она заговорила, но она молчала.

"Если ты все еще любишь меня, почему ты согласилась выйти замуж за Цзинь Чжифэна?" Шан Юань вдруг вспомнил об этом.

Линь Сяоча вырвалась из объятий серебряного дракона. "Когда это я обещала выйти замуж за Цзинь Чжифэна?"

Шан Юань: "Что?"

"Ты можешь пойти и посмотреть, в моем особняке городского лорда Банься кто-нибудь принял хотя бы половину обручального подарка города Цзиньцзюэ?"

"Почему вся страна Чжу Юнь говорит об этом?"

Линь Сяоча тихо сказала: "Откуда мне знать? Разве это не уловка Бай Сюаньрань?"

"Жизнь Бай Сюаньрань сейчас уступает жизни обычных людей. Она не может защитить даже себя. Как она может заботиться о делах других людей?"

Линь Сяоча посмотрела на него с разочарованием, услышав это, и неторопливо ответила: "Разумеется, ты до сих пор защищаешь ее".

Шан Юань: ...

Линь Сяоча горько улыбнулась: "Тогда считайте это слухами, которые я распустила, потому что мне нечего делать".

Затем она повернулась, толкнула серебряного дракона перед собой и пошла одна в свою комнату. Она прошептала, словно разговаривая сама с собой: "В этой жизни тот человек не защищал Бай Сюаньрань, поэтому я думала, что он будет другим, и ждала, словно дура. Мне не нужна была красная очередь обручальных подарков на десять миль. Я просто ждала, что он передумает. Я не ожидала, что то, что меня ждет, - это длинный меч".

Шан Юань смотрел, как она достала из своей спальни стопку брачных предложений и бросила их в небо.

Она запрокинула голову и посмотрела на списки обручальных подарков, разлетевшихся по небу: "В таком случае, разве не все равно, за кого я выйду замуж?"

Наконец, Шан Юань закричал, и Падающий Меч Тени упал на гальку.

Он мгновенно появился позади Линь Сяоча и обнял ее: "У'эр, я был неправ, я не должен был сомневаться в тебе. В прошлой жизни и в этой жизни, человек, которого я действительно люблю, это ты. На этот раз я здесь, чтобы забрать тебя".

Серебряный дракон был так зол, что фыркнул, но без приказа Линь Сяоча он мог только оставаться на месте.

Глаза Линь Сяоча словно расфокусировались, он бесцельно смотрел на летящие по небу списки обручальных подарков.

"Забрать меня?" Линь Сяоча хотела вырваться из его рук: "Чтобы я осталась с тобой безымянной, как в прошлой жизни?"

Шан Юань крепче обнял ее: "Как ты можешь быть безымянной? Ты знаешь, что я буду господствовать над миром демонов. Сейчас я уже на полпути к этому. К тому времени ты станешь моей единственной женой. Я уничтожу Фэн Наньфэй в этой жизни, и в то время ты станешь королевой всей страны Чжу Юнь".

Линь Сяоча вздохнула: "В конце концов, ты все равно не понимаешь меня. Меня никогда не волновали все эти вещи".

"У'эр, чего ты хочешь?"

"Я хочу быть замужем за тобой по праву. Поклониться небу и земле, поклониться старшим и

поклониться друг другу. Я хочу, чтобы все в мире знали, что я твоя жена".

Лицо Шан Юаня побледнело. Жениться на ней прямо - значит попросить её руки у Линь Ишаня. Поклоняться старейшинам - значит, встать на колени перед Линь Ишанем?

Как такое возможно?

Его рука, державшая Линь Сяоча, разжалась, и Линь Сяоча вырвалась из его рук.

Она недоверчиво посмотрела на него: "Ты не забыл свою ненависть?"

Шан Юань молча сжал кулак, его сердце было в смятении.

Линь Сяоча выглядела как ужасный дьявол, двигая задом туда-сюда: "Разве тебе недостаточно убить сто одного человека из нашей семьи Линь в твоей прошлой жизни? Ты не можешь избавиться от своей ненависти даже после того, как повесишь меня на стене и вырвешь мое сердце? Ты хочешь убить моего отца и при этом говоришь, что любишь меня?"

"У'эр, будь послушной". Он схватил Линь Сяоча за руку, но Линь Сяоча в страхе выдернула ее. Она ушла в свою комнату и закрыла дверь.

Он услышал ее горестный плач.

Голос был настолько печальным, что ранил его сердце.

Шан Юаню не составляло труда забрать ее силой, но он чувствовал, что их отношениям действительно придет конец, если он это сделает.

Ведь только что он подозревал ее. Тогда он направил на нее свой меч, чем снова разбил ей сердце.

В это время подошли две служанки. Шан Юань собирался убить их, но он не ожидал, что они будут смотреть на него, стоящего у двери их госпожи, и они совсем не удивились: "Госпожа слишком добра. Всем тем, кто хотел ее увидеть, приходилось ждать у двери".

Выслушав это, лицо Шан Юаня стало холодным. Он посмотрел на разбросанные по полу предложения о браке.

В это время он услышал плачущий голос Линь Сяоча, доносившийся из комнаты: "Инь Шуан, Цзинь Юэ, идите и скажите моему отцу. Попросите его выбрать мне кого-нибудь в жены. За кого бы я ни вышла замуж, будет без разницы".

Шан Юань постучал в дверь: "У'эр!".

Две служанки, Иньшуан и Цзинюэ, увидели Шан Юаня, красивого в бессмертном белом халате, и были ошеломлены. "У этого молодого человека есть список подарков? Мы поможем вам донести его до лорда".

Шан Юань подпер лоб рукой и вздохнул.

Откуда бы у него взялся список обручальных подарков?

"У'эр, открой дверь".

Но Линь Сяоча непустила Шан Юаня, да и сама не вышла.

Таким образом, Шан Юань простоял перед комнатой Линь Сяоча семь дней.

Служанки входили и выходили, но Шан Юань оставался неподвижным у двери, как каменная статуя.

Позже кто-то узнал в нем Шан Юаня с горы Тяньюй. Вскоре об этом стало известно, и Линь Сяоча прославился.

Другие женихи семьи были еще более мотивированы.

Ведь даже бессмертный был так осторожен. Как мог смертный, как они, не трудиться?

В результате порог семьи Линь был почти переполнен женихами. Глядя на обручальные подарки, которые постоянно присылали Линь Сяоча, Шан Юань был раздражен, но ничего не мог поделать.

Линь Сяоча провела последние семь дней в своей комнате. Кроме еды, питья и плача время от времени, она больше ничего не делала. Она собиралась забрать более ста миллионов и уехать. После этого еще не поздно было стать счастливой. Но перед отъездом ей еще предстояло уладить дела Линь Ишаня и ее Даньдана.

Это последняя нежность такой жестокой женщины, как она.

Серебряный дракон был так же раздражителен, как и Шан Юань снаружи. Он чувствовал, что Шан Юань был не прав. Он ненавидел запах крови на его теле. Он не хотел, чтобы Линь Сяоча выходила за него замуж.

У Шан Юаня были для него самые длинные семь дней за две его жизни. Но ему было слишком трудно отпустить свою ненависть к Линь Ишаню.

В это время дверь со скрипом открылась. Из комнаты вышла Линь Сяоча, ее глаза были красными, как у кролика. Последние семь дней она, похоже, тоже страдала, и Шан Юань не могла не расстроиться.

Она взяла стакан воды и протянула его Шан Юань, рот которой уже потрескался. Она задыхалась от рыданий: "Просто уходи. Если ты так себя ведешь, я чувствую себя подавленной".

Сердце Шан Юаня на некоторое время дрогнуло. Не успел он договорить, как услышал, что Линь Сяоча продолжает говорить: "Я просто надеюсь, что если ты однажды убьешь меня, то это будет не так больно, как в нашей прошлой жизни."

"У'эр..." грустным голосом сказал Шан Юань. Как он мог убить ее в этой жизни?

В это время две служанки по имени Инь Шуан и Цзинь Юэ снова подошли к нему. "Госпожа, городской лорд сказал, что самый подходящий человек - это молодой господин Цзинь Чжифэн. Он сказал, что это талантливый человек, у него хороший характер, и он, кажется, подходит

молодой госпоже..."

Не успела Инь Шуан сказать "подходит", как Шан Юань заключил Линь Сяоча в объятия. Инь Шуан и Цзинь Юэ не удивились, потому что серебряный дракон и Линь Сяоча ели и спали вместе, и они привыкли к близости. Их мысли стали беспрецедентно открытыми.

"У'эр, я обещаю тебе! Я обещаю тебе все!" Шан Юань не хотел в итоге потерпеть поражение.

В своей предыдущей жизни он собственноручно убил сто одного человека из семьи Линь. Линь Ишань трагически погиб, а У'эр умерла у него на руках. Он действительно отомстил.

Более того, он не мог смотреть, как она выходит замуж за другого мужчину. При мысли о том, что она окажется под чужим телом, ему не хотелось жить.

Уголок рта Линь Сяоча приподнялся без следа. Конечно, этот человек-собака пойдет на компромисс, только если на него будут давить изнутри и снаружи.

Ее пустые глаза вдруг засветились. Она повернулась и радостно посмотрела на него: "А Юань, правда?".

Шан Юань кивнул и обнял ее за талию.

Линь Сяоча вновь обрела невинность, присущую только молодым девушкам: "А Юань, значит, ты клянешься?"

Шан Юань кивнул и поднял три пальца.

Линь Сяоча обняла его за шею: "Ты должен сказать, что никогда не обидишь моего отца и моего серебряного дракона Даньдана".

Шан Юань: "Серебряный дракон?" Почему здесь есть дополнительный дракон?

Линь Сяоча сказал с серьезным лицом: "Да, мы с ним связаны контрактом жизни и смерти, поэтому, естественно, ты не можешь причинить ему вреда".

Шан Юань почувствовал, что его голова пульсирует. Да, у нее все еще был договор жизни и смерти, поэтому он добавил: "Если он не причинит мне вреда, я не буду проявлять инициативу, чтобы причинить ему вред".

Линь Сяоча кивнула: "Мой Даньдань такой послушный. Он не будет проявлять инициативу, чтобы причинить вред людям".

Шан Юань вздохнул, не споря с ней, поднял палец и продолжил ругаться.

Но, как бы ему этого ни хотелось, Линь Сяоча снова сказала: "А Юань, я хочу, чтобы ты поклялся именем своей матери".

Линь Сяоча знала, что если Шан Юань поклянется именем своей матери, то он точно не нарушит клятву.

Зрачки Шан Юаня сузились: "Ты мне не веришь?".

Линь Сяоча не дрогнул: "А Юань, в будущем ты будешь господствовать над миром. Ты сможешь превратить свои руки в облака и покрывать дождь своими руками. Я - маленькая слабая женщина, у которой так мало поддержки. Кроме того, пока я буду думать о своей прежней жизни, у меня будут возникать томительные страхи. Если я не смогу заснуть, как же я буду хорошо служить тебе в будущем?" Она встала на цыпочки и повисла руками на его шее, намеренно или ненамеренно дуя на корни его ушей.

Она помыкает им, заставляет его чувствовать себя виноватым, переворачивая старые счета, и соблазняет его.

Когда он не соглашался, она разворачивалась, чтобы выйти замуж за другого. Когда он заставляет ее, она притворяется, что ей стыдно.

Лин У не могла выиграть у него в прошлой жизни, потому что Лин У любила его, и она ужасно проиграла. Напротив, в этой жизни он встретил ее, которая воспринимает его только как деньги.

В итоге Шан Юань пошел на компромисс и поклялся именем своей матери не проявлять инициативу, чтобы навредить Линь Ишань и серебряному дракону.

Вспомнив, как она только что дула ему в уши, он поднял Линь Сяоча и сказал тяжелым тоном: "У'эр, я не могу ждать".

Линь Сяоча робко оттолкнула его: "А Юань, нет. В этой жизни нам придется подождать до брачной ночи".

Поэтому Шан Юань вернулся на гору Тяньюй, чтобы сделать ей предложение. В качестве обручального подарка он использовал всевозможные бессмертные артефакты, добытые им за последние пятьсот лет, и попросил Цзян Чэнцзы сделать предложение Линь Ишань как своему будущему отцу.

Шан Юань прошел по всем свадебным этикетам страны Чжу Юнь, все, что следовало сделать, было сделано.

Его битва была не хуже, чем у Цзинь Чжифэна.

Культиваторы горы Тяньюй просто становились даосской парой, доказательством тому были небо и земля. Такие дорогостоящие усилия были неслышанны, и вся страна была потрясена.

Ходили слухи, что Цзинь Чжифэн опустошил половину города Цзиньцзюэ, чтобы жениться на Линь Сяоча. Фэн Цзыин также умоляла императрицу выдать ее замуж. Однако никто не ожидал, что достойный бессмертный с горы Тяньюй будет испытывать к ней глубокую привязанность. Семь дней и ночей он с нежностью стоял на коленях у дверей ее комнаты. Он тронул ее сердце, поэтому именно он обнял красавицу.

Все сожалели о проигрыше Цзинь Чжифэна, ели дыни, а потом плевались дынными семечками, гадая, что же это за сногсшибательная красавица Линь Сяоча такая, что знаменитые мужчины страны Чжу Юнь попадали под ее гранатовую юбку.

Значит, Шан Юань в итоге все же победил?

*

Хань Юй посмотрел на водопад, стекающий с пика Шаньхай, и сказал Сянмину: "В будущем тебе не нужно ничего мне о ней рассказывать".

Прожив более 8000 лет, она научила его одной истине: если что-то было упущено, он может попросить об этом только во сне, даже если жалеет об этом.

В эти безграничные годы ему было суждено жить одному и умереть вместе со страной Чжу Юнь.

А она - небесная ласточка. Она найдет другую ласточку и проживет свою недолгую, но насыщенную жизнь.

Одним словом, она будет счастлива.

Ветер развеивал его белый халат, выражение лица было безразличным, но он сжал ладонь.

Скоро наступит день их свадьбы.

Туманный Пик был явно местом для культивирования бессмертия, но он был настолько красочным и живым, что в глазах Хань Юя он был очень резким.

Цзян Чэнцзы притащил даже А Си, чтобы стать почетным караулом. С большим красным шелком на шее, он выглядел мило и последовал за другими журавлями, чтобы отрепетировать групповой танец журавлей в небе.

Хань Юй бросила взгляд на группу красных журавлей. Все они были там, чтобы поприветствовать ее.

Он вспомнил сцены прошлого. Он вспомнил, как она поднимала ноги, чтобы быть выше его, как спала с ним, обняв подстилку, как лежала на столе и тихо слушала его игру на гуцине, как стояла позади него и кончиками пальцев нежно писала на его спине. Он вспомнил, как она плакала и говорила, что он ей нравится.

Он вспомнил ее жалкий вид в одном лишь нижнем белье, когда она была у алтаря. Он вспомнил ту ночь, когда проснулся и увидел ее спящее лицо, прижатое к его груди. Он вспомнил дугу перед ней, прикрытую ее волосами, вспомнил ее рот. От ее запаха чая он не мог остановиться.

А сегодня ночью она выйдет замуж за другого. Она выйдет замуж за его племянника-ученика и станет той, о ком он больше не сможет даже думать.

Он использовал заклинание звукоизоляции, но все равно не мог успокоиться. Он закрыл глаза, но никак не мог заснуть.

Наконец, он позвал Сянмина и спросил, нет ли у него еще вина "Семидневное пьянство".

Сянмин опешил: "Сяньцзюнь, ты уверен, что все еще хочешь его выпить?"

Хань Юй слабо ответил ему.

Сянмин поспешно отнес ему "Семидневное пьянство" и поставил его на каменный стол.

Наливая вино, Сянмин вздохнул: "Эй, я помню, что Сяоча была еще в нашем пике Шанхай, когда ты напился из-за этого вина. Теперь она в мгновение ока выйдет замуж за Сяньцзюнь Шана. Такое ощущение, что это было очень давно".

Лицо Хань Юя побледнело, и он легкомысленно сказал: "Уходи".

Сянмин пробормотал: "В последний раз, когда ты был пьян, ты спал с Сяоча до полудня следующего дня".

Сказав это, он повернулся, чтобы уйти.

"Стой." Выражение лица Хань Юя стало холодным, и он опустил бокал с вином в руку: "Что ты сказал? Мы спали вместе той ночью?"

Сянмин кивнул: "Да. Когда я позвал тебе на следующий день, Сяоча не пустила меня в комнату".

"А потом?"

"Она не выходила до вечера, а потом попросила у меня чистые простыни".

"Скажи все на одном дыхании". Хань Юй редко проявлял нетерпение.

"В те несколько дней она вела себя очень странно. Сначала она сама поменяла простыни и не отнесла их мне, чтобы я их постирала. Потом она попросила у меня кремни. Ты не ешь и не пьешь, поэтому у меня не было кремней. Тогда она попросила у меня мотыгу, а потом, прихрамывая, пошла в персиковый сад и сказала, что хочет взрыхлить землю".

"Прихрамывая?"

"Она сказала, что во сне у нее были судороги, и она подвернула ноги. Тогда я думала, что эта девушка очень трудолюбивая. Она не расслаблялась даже после того, как ей скрутило ноги. Кстати, она постоянно спрашивала меня, не слышала ли я странных звуков той ночью. Короче говоря, те несколько дней были очень ненормальными, очень странными".

Хань Юй сжал кулаки и резко встал с каменной скамьи.

"Отведи меня в Персиковый сад".

Сянмин был шокирован аурой на его теле, поэтому не посмел колебаться. Он поспешно повел его в Персиковый сад, указывая на кусок недавно вырытой земли: "Это место, где Сяоча копала почву".

Хань Юй холодно сказал Сянмину, стоявшему позади него: "Убирайся".

Как только Сянмин вышел из Персикового сада, в Персиковом саду взорвался синий свет. Земля разлетелась по всему небу, а любимые персиковые деревья Хань Юя падали одно за другим.

Сянмин был так напуган, что вытер пот, но не осмелился сделать шаг вперед, чтобы

остановить его.

Хань Юй и не собирався останавливаться, пока в голубом свете не появился белый сверток.

Сверток с размаху влетел ему в руку. Присмотревшись, он обнаружил, что это его собственная простыня. Простыня была сложена в несколько раз. Когда он развернул ее, в центре оказалась лужа крови, а в пакете осталось несколько рваных кусков ткани. Куски ткани были из одежды, которую она носила, и один из них заставил его руки слегка дрожать. Это было ее нижнее белье, но и оно было разорвано на две части.

Что произошло той ночью? Что они сделали?

Его мозг болел, но он ничего не мог вспомнить.

Он взмахнул своим Морозным Мечом и полетел в сторону пика Бучжоу Цин Ранцзюня. Большинство учеников медицинской секты уже отправились на Туманный пик, чтобы присутствовать на свадьбе и принять участие в веселье, а Цин Ранцзюнь отправился на пик Ланьюэ, чтобы забрать седьмую старейшину, фею Мяоинь.

Хань Юй тут же развернулся и полетел в сторону пика Ланьюэ.

Впервые за тысячу лет Хань Юй ступил на пик Ланьюэ. Было неловко видеть, как аура его острого меча скосила цветы и травы пика Ланьюэ и заставила их разлететься по всему небу.

Сойдя с волшебного меча, он проигнорировал приветствия учеников и поспешил напрямик во внутренний зал.

Цин Ранцзюнь скучаяще лежал на земле и смотрел, как Фея Мяоинь переодевается: "Моя дорогая, вот и все".

Фея Мяоинь приняла взгляд Тяньюй за зеркало и покрутилась перед ним: "Разве это не подходит для моего возраста, чтобы носить это?"

"Подходит и подходит. Тебе всегда будет двадцать восемь лет".

"Не слишком ли яркие цвета? Я не помню, сколько лет прошло с тех пор, как я в последний раз была на свадьбе".

"Ни слишком яркие, ни слишком гламурные. Этот комплект действительно хорош. Мы должны будем пойти очень скоро".

В это время они почувствовали, как в них вошла подавляющая духовная сила.

Фея Мяоинь была ошеломлена, а Цин Ранцзюнь нахмурился.

Они увидели Хань Юя, выходящего из-за двери с холодным лицом. Его красивое лицо было темнее, чем дно кастрюли.

"Почему у тебя до сих пор такое выражение лица?" Цин Ранцзюнь встал и похлопал по халату на своем теле. В конце концов, сегодня день свадьбы Линь Сяоча. Этот парень не должен пропустить его.

Хотя он и упрямый, но не сталкер.

Женщина не испытывала к нему никакой привязанности. Возможно ли, что он воспользуется днем ее свадьбы и ограбит жену своего племянника?

Он содрогнулся от этой мысли.

Такое было невозможно.

И от одной мысли об этом становилось жутко.

"У вас есть какая-нибудь пилюля, чтобы напомнить мне о том, что случилось, когда я был пьян?" спросил Хань Юй смущенным голосом.

"Нет." решительно ответил Цин Ранцзюнь. Кто захочет вспоминать то, что случилось, когда он был пьян?

"Нет, должна быть". Хань Юй схватил Цин Ранцзюня за рубашку.

"Второй старейшина, вы все еще не в себе. Если я говорю "нет", значит, нет. Где я могу найти ее для вас?"

В это время к нему подошла фея Мяоинь: "Второй старейшина, не волнуйся, у меня есть способ".

Хань Юй вспомнил, что ее песня пробуждения души напоминала людям о том, что они забыли.

Фея Мяоинь достала свою пипу, подняла ее в воздух и щелкнула ею. Хань Юй закрыл глаза и под тихое звучание пипы стал вспоминать события ночи.

Он поцеловал ее, но она все еще притворялась спящей, раздражая его и делая себя еще более привлекательной для поцелуев.

После этого она, казалось, зашевелилась. Она, казалось, отказывалась, но в то же время зацепила его, заставив полностью потерять контроль над собой. Он хотел ее, бессовестно хотел, и, наконец, только когда она взмолилась о пощаде, он отпустил ее.

В ту ночь она была еще более соблазнительна, чем фея, но когда он проснулся, она отвернулась и отказалась признать это. Она похоронила все в тайне, не сказав ни слова, а потом повернулась, чтобы выйти замуж за другого.

Внезапно он громко рассмеялся.

Цин Ранцзюнь и Фея Мяоинь были с ним сотни тысяч лет, но впервые увидели, как он так смеется.

Внезапно на этом холодном, как нефрит, лице появилась красота, которая расцвела невиданным великолепием.

Даже Цин Ранцзюнь, который думал, что его уже ничто не сможет удивить, был внезапно ошеломлен, а Фея Мяоинь не поверила своим глазам.

Вместе с его смехом в небе над дворцом Ланьюэ вспыхнуло пламя.

Тысячелетняя печать в его теле была полностью снята.

В это время Линь Сяоча сидела в паланкине и чувствовала себя очень счастливой.

С этого момента, пожалуйста, зовите меня Линь-богатая-тетушка-Сяоча.

[Т/Н: В заголовке "перевернул автомобиль" относится к тому, что происходило в видеоиграх, когда опытный игрок использовал сложные ходы, но потерпел неудачу, после чего перевернул свою машину. Машина - это просто метафора плана или грандиозного замысла].

<http://tl.rulate.ru/book/57527/2689757>